

Эдуард Мартынюк

ЗАМЕТКИ РЕЦЕПТИВЕНТА

В начале своих заметок по поводу состоявшегося семинара, я благодарю профессора Ури Гершовича, за то, что проведённое им занятие, репрезентующее возможности мульти-идеологического образования прошло интересно. Практически все участники семинара были вовлечены в обсуждение поставленных преподавателем вопросов. Пред нами предстало и немалое их количество, и ещё большее число всевозможных интерпретаций сюжета «Венецианского купца».

Я думаю, что всех участников семинара профессор Ури Гершович убедил в том, что он может проводить такие занятия, ибо при всех поворотах, для нас иногда даже очень неожиданных, в обсуждении сюжета знаменитого драматургического произведения, ему удавалось всё время возвращаться к тому главному ради чего эта дискуссия и была затеяна, а, именно, к различению христианства и иудаизма.

То, что эти религии можно различать и так как было предложено на семинаре у нас и раньше не вызывало никаких сомнений. Ведь

ещё на предыдущих лекциях профессор Ури Гершович обосновывал свой взгляд на христианство как на мировоззрение ориентирующее более на небо, на воздаяние сверху, а иудаизм на землю, где и должны получать все верующие вознаграждение за праведную жизнь. Его обоснование этих различий было весьма убедительным, и, конечно же, может быть воспринято в любой аудитории как академической, так и студенческой, и, в прочем, как пишут в аннотациях к книгам «доступно всем желающим».

В связи со всем вышесказанным, я могу теперь заметить, что, не смотря на то, что состоявшееся занятие отвечало всем академическим требованиям и более того, по-моему, мнению может служить примером преподавания очень сложного гуманитарного знания, я бы вряд ли смог бы руководствоваться им в своей преподавательской практике. И, прежде всего, из-за избранной для обсуждения пьесы В. Шекспира.

Конечно же, профессор Ури Гершович знал о многообразии интерпретаций «Венецианского купца». Ведь до семинара им была разослана статья Эли Эшеда «Еврей из Венеции: еврейские ответы Шекспиру из журнала «Орот», в которой констатируется, что «успех и популярность «Венецианского купца» привели к тому, что Шейлок превратился в стереотип еврея мерзавца, с которым евреям приходилось бороться снова и снова... – отсюда огромное количество статей на иврите, обсуждающих антисемитизм или отсутствие такового в пьесе».

В статье рассказывается и о публичном литературном суде над Вильямом Шекспиром, состоявшемся 23 июля 1936 года вскоре после её постановки в Эрец-Исраэль театром «Габима». Тут достаточно только вспомнить волну антисемитизма в Европе тех лет, чтобы оценить актуальность спектакля и горячность его восприятия в еврейской аудитории. Тем не менее, обвинения Шекспира в том, что он создал не имеющий никакого отношения к реальности образ еврея, вызывающий резко отрицательные чувства и порождающий антисемитизм, а постановка пьесы: «...ставит иудаизм в положение оправдывающегося... в том, что изначально является злостной выдумкой», судом поддержано не было.

«Как пишет далее Эли Эшед, в том судебном расследовании принял участие Леопольд Яснер, – один из наиболее выдающихся режиссёров своего времени», который, встав на защиту Шекспира,

утверждал, «...что у того не было антисемитских намерений при написании пьесы. По словам Яснера не Шейлок антигерой пьесы, а как раз его враги, представленные как шайка авантюристов, аферистов, грабителей и вымогателей».

В итоге, как сообщает автор цитируемой статьи, суд постановил: «снять с гениального драматурга Вильяма Шекспира обвинение в легкомыслии или злонамеренном антисемитизме при создании образа Шейлока. Напротив, введя этот демонический, трагический образ, он превратил лёгкую комедию, вселяющую глубокий смысл и непреходящую гуманистическую и историческую ценность пьесу».

Столь обильное цитирование, известной участникам семинара Ури Гершовича статьи, мне понадобилось для обоснования своего первого довода против привлечения в целях мульти-идеологического образования именно этого произведения В. Шекспира для прояснения различий между христианством и иудаизмом. Пьеса вообще не об этом. Хотя, ещё раз повторяю, что профессору Ури Гершовичу достичь поставленной цели удалось. Правда тут, однако, и в том, что у него была весьма благодарная аудитория, но даже её больше тянуло к обсуждению антисемитского или филосемитского пафоса пьесы, чем к постоянной констатации небесного и земного влияния религии на поведение персонажей.

Причём актуальность суда над этой пьесой в смысле о её ксенофобичности или гуманистичности отнюдь не уменьшилась. Достаточно обратиться к довольно недавней её постановке в Голливуде. Как отмечает Анель Лейбович, еженедельник Jewish Week, США писал, что Майкл Рэдфорд (реж.) и Аль Пачино (Шейлок) надеются, что их фильм «Венецианский купец», сможет донести до людей призывы к терпимости в наше беспокойное время растущей ненависти и ксенофобии. «Оба в один голос утверждают, что трудно было бы подобрать более подходящий момент для выпуска фильма – рост антисемитизма во всём мире, всемирная угроза терроризма, делают бессмертное произведение Шекспира как никогда актуальным» [Лейбовиц Лиель. В поисках Шейлока/Режим доступа:<http://www.evrey.com/sitep/culture/print.php?menu=259>

То есть, я хочу сказать, что пьесу с такой предысторией и актуальностью все же лучше, на мой взгляд, было бы представлять в студенческой аудитории, именно, в этом историческом контексте, тем более что у нас больше чем одной пары на такое мероприятие не бу-

дет. Ну, а, кроме того, могу привести и другое своё возражение против данной, конкретной репрезентации «мульти-идеологического» образования.

В отличие от профессора Ури Гершовича, я не считаю христианство и иудаизм «идеологиями», по-крайней мере, в том смысле, в котором употребляли последнее слово за долгие годы моей преподавательской деятельности все её участники. В том, что их (христианство и иудаизм), может использовать любая из нынешних идеологий сомнений нет. В кратких заметках по поводу состоявшегося семинара, просто нет места для академического обсуждения содержания термина «идеология». Однако, термин «религия» мы употребляем в гораздо более широком контексте. Это (в том числе, и христианство, и иудаизм) социальное явление, включающее в себя и представления верующих на теоретическом (теология) и обыденном уровнях, и их чувства, эмоции, настроения, а также и организации. Сведение их лишь к возможности быть использованными в идеологических целях, безусловно, не исключается, но в философском смысле представляется все же одной из, опять же возможных, редукций. А редукцию следует все ж таки принимать как сужение вариативности интерпретаций исследуемого явления, следовательно, и к обеднению его понимания.

Исходя из последнего тезиса образуются также следующие вопросы:

1) Применим ли термин «идеология» к описанию взглядов персонажей пьесы «Венецианский купец», во времена написания которой не было ни такого явления, ни соответствующего ему понятия? Зато религии обе (и христианство и иудаизм) были?

2) Если, всё же, обе эти веры рассматривать как идеологии, то тогда к какому типу их отнести? К либеральной идеологии, консервативной или социалистической?

А, конкретно, по поводу содержания пьесы могу заметить, что ни из каких источников христианской веры не вытекает обязанность венецианского купца брать деньги в долг у иудея. Зато, могу вспомнить христианские поучения, которые подобные поступки запрещают. В свою очередь, ни из каких иудейских писаний не вытекает требование внутренностей должника взамен невыплаченного долга. Последнее суждение ещё раз свидетельствуют, что пьеса, точнее её автор, руководствуется не столько знаниями этих религий, которые

у него, несомненно, есть, сколько стереотипами в восприятии обеих групп верующих в глазах современной ему публики на потеху, которой и создавал свои комедии великий автор. Но, в данном случае, комедии (по крайней мере, для большей части современной публики, а вообще-то, Бог его знает, для большей ли) не получилось.

Нет ни христианства, ни иудаизма вообще, есть верующие очень по-разному в своих богов люди. Есть авторы, которые заставляют вымышленных персонажей действовать в предлагаемых, опять же вымышленных обстоятельствах. Насколько художественно, насколько убедительно представлены эти персонажи вопрос чаще всего спорный. Даже у Шекспира были читатели и зрители, которые его не воспринимали как талантливого автора. Вспомним тут только Льва Николаевича Толстого.

Вообще-то в пьесе этой говорится и о том, что евреи такие же люди, как и все остальные, но эта идея в ней не доминирует, ибо, кроме самого Шейлока, с этим абсолютно никто не согласен. Так что все дискуссии о её направленности в сторону защиты иудеев или продолжения репрессий против них возникают лишь у её читателей или зрителей соответствующих постановок.

Если представить себе весь диапазон возможных ассоциаций, по поводу избранной профессором Ури Герщевичем темой мульти-идеологического семинара, то вряд ли найдётся книга такого объема, в которую его можно было бы поместить. Тем более, что любая из ассоциаций непременно вызывает новую, и конца им нет. Начиная с проблемы авторства, где в качестве возможных сочинителей «Венецианского купца» представлены различные лица той же эпохи, когда творил сей великий драматург, в том числе и евреи, и женщина и даже мужчина, до сих пор ещё не ставшей традиционной, особой сексуальной ориентации.

Всё это порождает, в свою очередь, огромное число дополнительных смыслов и двусмысленностей в истолковании предложенного для обсуждения текста. Зададимся, например, вопросом, а чем именно руководствовался Лоренцо, беря в долг деньги для Бассанио под такое страшное обязательство, христианской любовью или, точно порицаемой в те времена христианством чувством, связанным с сексуальным влечением к другу?

Чтобы всё-таки остановить этот безбрежный поток ассоциаций, вспомним, уважаемые коллеги, что «теоретики рецептивной эстети-

ки» утверждали, что совершенный текст «Является тезой и антитезой самого себя, в нём можно найти знаки, как подтверждения, так и отрицания того, что сознательно провозглашает автор. Поэтому и акценты в этой теории смещаются с эстетики текста» – на «эстетику восприятия». Важным оказывается не то, что (якобы) задумывал сказать писатель (потому, что в действительности это невозможно реконструировать); важным являются те знаки и аллюзии, которые выводит из текста читатель, исходя из актуального момента, общественных требований, своего жизненного и эстетического опыта». Мне об этом напомнила В. Суковатая в статье «Еврей, женственность и русская культурная идентичность: общественные дискуссии конца века в рассказах А.П. Чехова», помещённой в альманахе «Еврейская старина», №2, 2012 года (есть в Интернете). Конечно, мы не намерены здесь обсуждать вопрос о том был ли Антон Павлович антисемитом или нет, но вопрос, конечно, интересный, тем более, что Чехова наши студенты, по-крайней мере, должны были читать в школе, и чем это не тема для будущего семинара по «мульти-идеологии».

Но, вернёмся, всё же, к Шекспиру. А ведь в «Венецианском купце» есть не мало реплик, относящихся и к представителям других этносов и религиозных верований, кроме христиан и иудеев. Здесь приведу только один пример из обращения Дожа к Шейлоку в зале суда, когда первый ещё надеется на то, что ростовщик посочувствует Антонио из-за свалившегося на него кома разных бед, и откажется от взывания страшного долга:

«Из чувства человечности, любви
И сострадания, вспомнив о несчастьях,
Обрушивших на него недавно,
Сваливших короля среди купцов,
Способных вызвать жалость даже в людях,
Чья грудь, как бронза, сердце – как скала, -
В неумолимых турках и татарах,
Неведающих доброты и ласки.
Мы ждём отрадного ответа, Шейлок.» (Акт IV, Сцена 1)

Насколько мне известно, хоть я, конечно, не изучал национальную принадлежность участников семинара, среди них не было ни турок, ни татар. А если бы были, то как бы отнеслись к словам

драматурга, что им неведомы ни доброта, ни ласка. И это была бы уже третья идеология, заслуживающая внимания в рамках подобных занятий.

Кстати говоря, тем, кто регулярно смотрит телевидение должно быть известно, что по нему в 2012 году начали трансляцию турецкого сериала «Великолепный век. Роксолана», в котором повествуется о судьбе русской (украинской) женщины, вошедшей во всемирную историю под именем «Хюррем Султан», жены султана Сулеймана, матери Султана Селима II. Это сюжет должен быть известен украинской аудитории и по сериалу «Роксолана» отечественного производства и, конечно же, по популярному в своё время, а может и сейчас, роману Павла Загребельного. Значительное число турецких зрителей остались недовольны сериалом, ибо он, по их мнению, унижает «великолепный век» бесконечными интригами в гареме и это, на наш взгляд, ещё одна особенность, в связи с которой можно рекомендовать сериал для одного из мульти-идеологических семинаров, поскольку в нём герои мусульмане находятся в постоянном конфликте с христианами, которых (как оно было в действительности в те времена) постоянно побеждают. Учитывая безусловную актуальность современного противостояния представителей этих религий во многих регионах мира, мульти-идеологический семинар на эту тему, привлекая видеоряд и тексты, мог бы получиться весьма продуктивный. А уж в сериале этом и доброты и ласки, как и вражды и убийств премного.

Подобное предложение возникло, опять же, под влиянием семинара, осуществлённого профессором Ури Гершовичем, за что ему ещё раз искренняя благодарность.